

АФИНО-ЛИКИЙСКИЙ КОНФЛИКТ 430–429 ГОДОВ ДО Н.Э.

Д. А. Баранов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 июня 2011 г.

Аннотация: в статье описываются некоторые причины, ход и последствия военного конфликта Афин и Ликии в 430–429 годах до н.э.

Ключевые слова: Афинский морской союз, афинский флот, Ликия, Персия, Мелесандр, Вакссепддими, Тлос, Ксанф, Патара.

Abstract: the article describes some of the causes, course and consequences of military conflict Athens and Lycia in 430–429 BC.

Key words: Athenian empire, Athenian fleet, Lycia, Persia, Melesandros, Waxsspepddimi, Tlos, Xanthos, Patara.

Особенностям греко-ликийских политических контактов посвящено значительное число зарубежных работ [1–6; 7, р. 97–136; 8, р. 1–42]. Авторы большинства из них сходятся во мнении, что Ликия в годы, предвалявшие начало Пелопоннесской войны, представляла собой немалый экономический и политический интерес для противоборствующих сторон. Страна, тем не менее, оставалась спорным регионом вплоть до инцидента, известного благодаря сообщению Фукидида о военной миссии афинского стратега Мелесандра (Thuc. II. 69) в зимнюю кампанию 430–429 гг. до н.э., ставшей одним из наиболее серьезных провалов Афинского морского союза в его попытках подчинить территорию, лишенную классической полисной организации, но представлявшую собой совокупность достаточно агрессивных династических центров, объединенных в небольшое государство (лик. huwedri) [7, р. 44–45], главным городом которого был Ксанф – резиденция «ликиарха» [9, S. 96; 10, р. 243–244]. Именно поэтому нельзя не согласиться с высказыванием С. К. Эдди, сравнившего попытки Афин оказать военное давление на ликийцев с подетски опрометчивым желанием «потревожить гнездо шершней» [10, р. 249].

Актуальность темы определена острым дефицитом исследований, которые ставили бы своей задачей реконструкцию греко-ликийских контактов и конфликтов, основываясь на данных сравнительно-аналитического и комбинаторно-этимологического анализов текстов из Ликии и греческих нарративов с опорой на опыт прошлого и новейшие разработки в этой

области [11, с. 66–67; 12; 13]. Таким образом, основной целью данного обзора является наглядная демонстрация возможностей сличения и приведения в единую систему информативного пласта ликийских и греческих источников на примере реконструкции конкретного события.

Начнем с утверждения, что сразу после заключения Каллиева мира жителям Аттики, с одной стороны, надлежало обеспечить регулярность выплат фороса в союзную казну, а с другой – продолжать стратегию своего рода «холодной войны» с Персией, всячески старавшейся вернуть свои позиции в регионе [10]. Речь идет, по меньшей мере, о 24 сообществах от Геллеспонта до Ликии, которые, вероятнее всего, под давлением персов или же в силу внутреннего стасиса неоднократно прерывали, а затем возобновляли выплаты фороса и эпифоры [14], что указывает на весьма неустойчивое положение Афинского морского союза здесь, вызванного, вероятно, военными неудачами с 445 (война против Спарты и Беотии) по 440 г. до н.э. (Самосский конфликт) [10, р. 248–250]. Этим же обстоятельством воспользовались и ликийцы с зависимыми от них соседями (Λύκιοι καὶ συν[[τελ]), которые уплачивали фиксированную сумму в размере десяти талантов (согласно податному списку 446–445 гг. до н.э.: IG I³ 266. III. 34) вплоть до 440 г. до н.э. (IG I³ 261. I. 29–30; 262. V. 32–33; 266. III. 34). Именно тогда они, согласно мнению большинства исследователей, окончательно порывают с Афинами [1, р. 153], которые лишь спустя десятилетие вспоминают о некогда зависимой от них западной Ликии, ощущая острую нужду в финансах для войны

с пелопоннесцами (Thuc. II. 13. 2–3), что также ставило на повестку дня необходимость отпора активизировавшимся флотилиям лакедемонских пиратов (в особенности в районе Кавна: Thuc. VIII. 35. 2), нарушавшим жизненно важные торговые артерии афинской державы близ Кари и Ликии, что требовало незамедлительного ответа со стороны морского союза. Именно поэтому афинский историк следующим образом объясняет задачи похода Мелесандра (Thuc. II. 69. 1–2): «Шесть других кораблей со стратегом Мелесандром афиняне отрядили к берегам Кари и Ликии, чтобы взыскивать деньги с тамошних жителей и не допускать в море пелопоннесских пиратов, которые, отправляясь от берегов Кари и Ликии, тревожили торговые суда, выходявшие из Фаселиды и Финики и из тамошних материковых местностей».

Таким образом, основной целью афинского стратега, по мнению Фукидида, был не сбор финансовых задолженностей, а прямой грабёж ликийских территорий (букв. ἀργυρολογῶσι = «изыскание средств». – Д. Б.), что не было уникальным прецедентом, а практиковалось и в дальнейших подобных операциях Аристида и Лисикла (Thuc. III. 19; IV. 50. 1).

К тому же, по мнению У. Чайлдса, интерес Афин к Ликии был преимущественно экономическим и заключался в приобретении кораблестроительного леса, которым изобиловала эта страна [6, р. 62]. Особенно славились породы ликийского кипариса (Thphr. H. Pl. IV. 5. 2) и кедра (Thphr. H. Pl. III. 12. 4; Plin. Nat. XIII. 11 (52); XVI. 59 (137)). При этом местная разновидность этого дерева отличалась своими весьма значительными размерами, а следовательно, ценилась за продуктивность (Plin. Nat. XII. 5 (9)) [15; 16, р. 101].

На первом этапе военных действий необходимо было обеспечить бесперебойные поставки продовольствия, главным образом зерна, поступавшего в Афины транзитом, в том числе через Ликийские морские центры (Патара и Андриаке) [7, р. 128–29]. Египетское зерно обеспечивало надежную альтернативу основной стратегии Афин в период Пелопоннесской войны, предполагавшей обеспечение «продовольственной безопасности» через связи с черноморскими портами [15, р. 12].

О бойкой торговле между Атикой и Египтом, шедшей, несомненно, через порты восточной Ликии, упоминает и афинский комедиограф Гермипп в своей пьесе *Φορμόφοροι* [17, р. 306–307], перечисляя стандартный импорт Афин из Египта. В строках 12–13 он пишет о «прекрасной бумаге и материале для пошива парусов» и несколькими строками ниже – «о тканях с запада и муке с востока» (22–23: «Φοινίκη δ' αὐ[τῆς τὸν] καρπὸν καὶ σέμιδαλιν Καρχηδὼν δάλιδας καὶ ποικίλα προσκέφαλα»), доставляемой в Афины на кораблях, делавших остановку в Финике близ Лими-

ры, ликийском порту, который долгое время ошибочно идентифицировали с Финикией из-за сходного написания этих топонимов [18–20].

Восточная Ликия сама по себе могла представлять серьезный интерес как сельскохозяйственный регион, который был способен частично удовлетворять афинский продовольственный спрос. К примеру, Лимира была весьма богата зерном, часть урожая которого традиционно приносилась здесь в виде даров «Богине-матери», выполнявшей функции защитницы погребений (TAM I. 131. 2–4) [8, р. 124–125]. И не удивительно, что именно эта часть страны первой среди прочих ликийских земель переходит к политико-дипломатической экстравертности, что, возможно, было вынужденным следствием ее торгово-экономического партнерства с Фаселидой, состоявшей в морском союзе, но всячески старавшейся выйти из его состава, что наглядно демонстрирует динамика сокращения общих выплат фаселитов по форосу, размер которого уменьшился с шести талантов, уплаченных в 454–453/451–450 гг. до н.э. (IG I³ 259. IV. 24; IG I³ 262. I. 2), до трех в 450–449 гг. (IG I³ 263. II. 35).

Принимая во внимание высказывание Дж. Девиса (одного из авторов «Кембриджской древней истории»), предположившего, что роль Фаселиды в греко-levantийской торговле того времени была сходна с аналогичной экономической ролью Родоса двумя веками спустя, становится ясной мотивация Афин, пытавшихся всячески воспрепятствовать выходу богатейшей общины из состава союза, что вынудило их приблизительно с 440-х гг. до н.э. приступить к осуществлению прямого наступления на суверенные полисные права ее жителей. Это подтверждает содержание весьма любопытного текста декрета (IG I². 16+ = Meiggs-Lewis, No. 31 = IG I³. 10), из которого явствует существенное ограничение функций местных судебных органов в пользу афинских. В частности, предполагались изменения в установленном порядке *ξυμβόλαιον* (или *δίκαί ἀπό συμβολῶν*) с фаселитами (IG I³. 10. 13), обозначенные в строках 6–11 этого же документа, которые следует читать и переводить следующим образом: ὃ τι ἂμ με[ν] Αθ[ηνησι] ξ[υ]μ[β]ό[λ]αιον γένηται [πρὸς Φ]ασηλιτ[ῶ]ν τινα, Αθῆ[ν]η[σι] τας δίκ[α]ς γίγνεσθαι παρ[ὰ] τῶι πο]λεμάρχῳι, καθάπερ Χ[ί]οις, καὶ ἄλλοθι μηδέ ἂμὸ («Если какой-либо судебный спор случится в Афинах, касающийся фаселита, в Афинах пусть процесс будет у полемарха, как с хиосцами, и ни в каком другом месте»). Таким образом, афиняне меняли классический принцип *actio sequitur forum rei*, согласно которому тяжба проводилась в соответствии с гражданством ответчика. Теперь же в случае возникновения судебного спора в отношении договорных дел, касавшихся в первую очередь торговых сношений *συμβόλαιον*, жители ликийского полиса обязывались

проводить слушания в Афинском суде полемарха, что соответствует уже принципу *actio sequitur forum contractus*, а на деле означало существенные ограничения прав союзников Афин, старавшихся связать своих торговых партнеров дополнительными обязанностями [21, с. 28; 22].

Ход военной кампании Мелесандра описывается афинским историком следующим образом (Thuc. II 69. 2): ἀναβάς δὲ στρατιᾶ Ἀθηναίων τε τῶν ἀπὸ τῶν νεῶν καὶ τῶν ξυμμαχῶν εἰς τὴν Λυκίαν ὁ Μελλήσανδρος ἀποθνήσκει καὶ τῆς στρατιᾶς μέρος τι διέφθειρε νικηθεὶς μάχῃ («Углубившись в материк Ликии с афинскими воинами, которые сошли с кораблей, и с союзниками, Мелесандр потерпел поражение в битве, погиб сам и потерял некоторую часть своего войска»).

Последовательность действий Мелесандра и военный план, которого придерживался стратег, можно довольно четко реконструировать, если внимательно проанализировать хронологию военных событий, представленную в строках так называемого «списка сражений», следующего сразу после династического некролога и генеалогии Кериги в тексте хроники «Ксанфийского обелиска» (ТАМ I 44. а. 41–49). Оценка этих сведений, проведенная Х. Л. Столтенбергом, показала, что наиболее вероятным маршрутом Мелесандра является топонимическая линия Патара – Тимнесс – Кианея. Хотя, несомненно, наиболее вероятным конечным пунктом экспедиции должен был быть Ксанф [7, р. 129, 132].

Однако военачальнику в отличие от своих предшественников (Гарпага и Кимона) так и не удалось осуществить «блицкриг» и оперативно захватить столицу ликийской конфедерации, иначе это было бы упомянуто в тексте источника. Силы афинянина, очевидно, были недостаточны для прямого штурма хорошо защищенной столицы. На это указывает и тот факт, что флотилия из шести триер предоставляла в его распоряжение от 60 до 250 пехотинцев. Это обстоятельство однозначно должно было вынудить афинян к попытке заручиться поддержкой союзников из числа местного населения, как это было сделано, например, в ходе экспедиции в Этолию, предпринятой двумя годами позднее Демосфеном (Thuc. III. 94–95), который привлек на свою сторону войско локров, последовавшее на соединение с ним в сухопутной части военной операции. В случае же с ликийцами, наиболее вероятным союзником Мелесандра следует считать армию города Тлоса, давнего конкурента Ксанфа, неоднократно фигурировавшего в «списке сражений» (ТАМ I 44. а. 47: *terñ tlahñ* = букв. «армия Тлоса». – Д. Б.) в качестве сил, противостоявших объединенным войскам ликийских династов. Последние, вне всякого сомнения, были куда менее стеснены как в возможностях набора войск, так и в способнос-

тях к стратегическому маневрированию на хорошо знакомой им территории. Кроме того, очевидно, что Гарпагиды, осознав важность момента, решили прибегнуть к помощи со стороны своих бывших «хозяев» и давних союзников – Ахеменидов, сформировав в долине Ксанфа своего рода ударный кулак, состоявший из «конного войска Ахеменидов, ликийцев и мидян» (ТАМ I 44. а. 35–36: *esbedi: hēmenedi: trjmmil[ije]-di: se medezedi*) и пешего войска, упомянутого здесь же [23, р. 26; 24, р. 120–121].

По мнению Н. Кау, эти отрывки демонстрируют готовность ликийских династов отразить нашествие афинских войск и подавить бунт Тлоса; в этих строках кроется и разрешение «проблемы Керей», который формально возглавил военную операцию против Афин, но нигде не упоминается в качестве ликийского царя/*xntawati*, будучи лишь главой объединенных войск (ТАМ I 44. а. 46: *tarbide*), хотя и занял престол правителя Ликии после смерти предшественника, сделав это в обход патриархальной системе наследования. При этом очевидно, что Керей не был и персом, однако он в числе немногих династов печатает свой профиль на монетах в персидском головном уборе, что и дало формальный повод считать его персидским ставленником и субсатрапом, осуществлявшим полномочия в регионе от имени Сард. Добавим к этому, что согласно одной весьма примечательной интерпретации 34-й строки, в которой упоминается «убийство солдатами свободных людей Ксанфа» (ТАМ I 44. а. 34: *etehi axā ara nelede aḡna*), персы, возможно, силой вернули долину Ксанфа под свой контроль [25, р. 165–166].

У нас нет точной информации относительно того, при каких конкретно обстоятельствах Мелесандру удалось привлечь на свою сторону тлосского династа Ваксепддами, личность которого до сих пор остается весьма спорной. На основании анализа нумизматического материала, проведенного Н. Висмарой, было выявлено до полутора десятка типов монет, гипотетически имевших отношение к этому персонажу ликийской истории [23, р. 35]. При этом часть из них принадлежала более раннему династу, носившему такое же или похожее имя (на монетах: *Waxssere/Waxssebe*) и отправлявшему свою власть из Патары, но лишь одна несет литеру (M 237: *waxsepddimi*), полностью сходную с формой имени династа, известной эпиграфически (ТАМ I 44. а. 49: *waxsepddimi*) [26, S. 33]. Более подробных сведений о правителе Тлоса, к сожалению, не сохранилось.

Однако если следовать общей логике ликийского текста, то становится ясно, что тлосцы, находясь под его началом, отличились, по меньшей мере, в двух сражениях, одно из которых происходило близ Кианеи, где силы мятежного ликийского династа объединились с подошедшей к городу из района нижнего

Тимнеса афинской армией (15 км северо-западнее Патары = совр. Кёубаşı). В сражении союзные силы потерпели поражение от дружественного Ксанфу, лимирского династа Трббеними, который «собственноручно разгромил армию Мелесандра» (hâtahe: хbane: ese: trbbēnimi: tebete: terñ se milasāñtrā:) [26, p. 30–35]. При этом остатки тлосской армии были либо уничтожены, либо вынуждены объединиться с недавним противником, что следует из упоминания Керей, который, в буквальном переводе, «наказал армию Тлоса поражением» (xerēi qasste terñ tlahñ erbbedi) [23, p. 32], «собственноручно разгромив армию тлосцев ряд за рядом», либо «принял армию (ряды) Тлоса под свою руку» (ТАМ I 44. а. 45–46: izredi ehbijedi hâtahe tlahñ nele nele).

Армия афинян, вероятнее всего, успела эвакуироваться из Ликии южным (из Патары), а не северным путем, как предполагал Павсаний (Paus. I. 29. 7). Фукидид, сообщая о смерти афинского военачальника, говорит лишь о части афинских сил, павших в сражении. Следовательно, кому-то из афинян удалось спастись. Да и сам факт упоминания Павсанием гробницы Мелесандра свидетельствует о том, что история поражения и героической смерти афинянина должна была быть изложена кем-то из числа его уцелевших соратников. К этому добавим весьма любопытное мнение, высказанное некогда Т. Хельшером, который на основании своей интерпретации смысла изображений из храма Афины Ники (битва с амазонками и сражение Беллерофонта с Химерой) вывел гипотетическую связь их появления с походом в Ликию [27].

Дальнейшие события отражены в последних строках северной стороны «Ксанфийского обелиска». После непродолжительного сопротивления, оказанного Ваксепддими ксанфийцам, он и его армия были разгромлены в местечке близ Тлоса, известном из текста как Медбияхэ (лик. Medbijahe) [26, p. 35]. Структура строки ликийского текста выглядит схожим образом, что и описание предыдущего сражения, и в буквальном переводе звучит как: «при Медбияхэ Керей лично разбил армию Ваксепддими» (ТАМ I 44. а. 47–49: h[ã]tahe medbijahe ese xerēi tebete [t]er[ñ] se waxssepdimi) [28, S. 125]. Вслед за этим Тлос был взят при участии самого автора надписи (Кериги), отметившего свою личную доблесть, сравнил себя с Гераклом и Ахиллом (ãka herikle se haxlaza) [29, p. 164].

Печальные итоги провальной кампании Афин, осложнившие и без того их непростое внешнеполитическое положение, были справедливо резюмированы И. Бенда-Вебер и Ю. Борхардтом, как обозначившие «ренессанс» в ликийско-персидских отношениях и ставшие причиной сближения восточной Ликии, ведомой династиями Земуридов в Лимире и Гарпагидов в Ксанфе [4, S. 40; 30, S. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Keen A. G. Athenian Campaigns in Karia and Lykia during the Peloponnesian War / A. G. Keen // *The Journal of Hellenic Studies*. – 1993. – Vol. 113. – P. 152–157.
2. Asheri D. Fra Ellenismo e Iranismo. Studi sulla società e cultura di Xanthos nella età achemenide / D. Asheri. – Bologna, 1983.
3. Gygaх M. D. Untersuchungen zu den lykischen Gemeinwesen in klassischer und hellenistischer Zeit / M. D. Gygaх. – Bonn, 2001.
4. Benda-Weber I. Lykier und Karer. Zwei autochthone Ethnien Kleinasien zwischen Orient und Okzident / I. Benda-Weber. – Bonn, 2005.
5. Keen A. G. The «Kings» of Lycia in the Achaemenid Period / A. G. Keen // *Alternatives to Athens: varieties of political organization and community in ancient Greece* / ed. by R. Brock, S. Hodkinson. – Oxford, 2000. – P. 269–279.
6. Childs W. A. P. Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Re-Examined / W. A. P. Childs // *Anatolian Studies*. – 1981. – Vol. 31. – P. 55–80.
7. Keen A. G. Dynastic Lycia: a Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, ca. 545–362 BC / A. G. Keen. – Leiden, 1998.
8. Bryce T. R. The Lycians: a study of Lycian history and civilization to the conquest of Alexander the Great / T. R. Bryce. – Copenhagen, 1986. – Vol. I.
9. Borchhardt J. Dynasten und Beamte in Lykien whrend der persischen und attischen Herrschaft / J. Borchhardt // *Variatio Delectat: Iran und der Westen Gedenkschrift für Peter Calmeyer* / Ed. P. Calmeyer, R. Dittmann. – 2000. – S. 73–140.
10. Eddy S. K. The Cold War between Athens and Persia, ca. 448–412 BC / S. K. Eddy // *Classical Philology*. – 1973. – Vol. 68, № 4. – P. 241–258.
11. Шеворошкин В. В. К проблеме ликийского языка / В. В. Шеворошкин // *Вопросы языкознания*. – 1968. – № 6. – С. 66–81.
12. Melchert H. C. A dictionary of the Lycian language / H. C. Melchert. – Ann Arbor; New York, 2004.
13. Neumann G. Glossar des Lykischen: Überarbeitet und zum Druck gebracht von Johann Tischler / G. Neumann // *Dresdner Beiträge zur Hethitologie*. – Wiesbaden, 2007. – Bd 21.
14. Eddy S. K. Some Irregular Amounts of Athenian Tribute // *The American Journal of Philology*. – 1973. – Vol. 94, № 1. – P. 47–70.
15. Garnsey P. Famine and food supply in the Graeco-Roman world / P. Garnsey. – Cambridge, 1988.
16. Migeotte L. The Economy of the Greek Cities, From the Archaic Period to the Early Roman Empire / L. Migeotte. – Berkeley, 2009.
17. Edmonds J. M. Fragments of Attic Comedy / J. M. Edmonds. – Leyden, 1957. – Vol. I: Old Comedy.
18. Buschmann K. Die Expedition des Melesander nach Lykien 430/29 v. Chr. und die Lokalisierung von FOINIKH / K. Buschmann // *Epigraphica Anatolica* 12. – 1988. – S. 1–7.

19. Dickinson A. W. A Note on Φοινίκη in Thucydides 2.69.1 / A. W. Dickinson // *The Classical Quarterly, New Series*. – 1979. – Vol. 29, № 1. – P. 213–214.
20. Zimmermann M. Noch einmal Thuk. II 69 und ΦΟΙΝΙΚΗ / M. Zimmermann // *Hermes*. – 1993. – Vol. 121, № 3. – P. 266–275.
21. Кудрявцева Т. В. Гелия в контексте афинских державных отношений / Т. В. Кудрявцева // *Мнемон : исследования и публикации по истории античного мира* : сб. ст. – 2007. – Вып. 6. – С. 23–40.
22. Fornara C. W. The Phaselis Decree / C. W. Fornara // *The Classical Quarterly, New Series*. – 1979. – Vol. 29, № 1. – P. 49–52.
23. Cau N. La spedizione di Melesandro in Licia nel racconto della stela di Xanthos (TL 44 a, 34 ss.) : un tentativo di interpretazione / N. Cau // *Studi Ellenistici* 12. – 1999. – P. 19–40.
24. Tuplin C. All the King's Horse : in Search of Achaemenid Persian Cavalry / C. Tuplin // *New Perspectives on Ancient Warfare* / ed. by G. Fagan, M. Trundle // *History of Warfare*. – 2010. – Vol. 59. – P. 101–183.
25. Faucounau J. Quelques remarques sur l'inscription lycienne du pilier inscrit de Xanthos / J. Faucounau // *A Linguistic Happening in Memory of Ben Schwartz : studies in Anatolian, Italic, and Other Indo-European Languages* / ed. by B. Schwartz, Y. L. Arbeitman. – Louvain, 1988.
26. Schürr D. Formen der Akkulturation in Lykien : Griechisch-lykische Sprachbeziehungen / D. Schürr // *Griechische Epigraphik in Lykien Eine Zwischenbilanz. Akten des internationalen Kolloquiums München, 24–26. Februar 2005* / Ed. C. Schuler. – München, 2007. – S. 27–40.
27. Hölscher T. Bellerophon am Tempel der Athena Nike und der Feldzug des Melesandros in Lykien / T. Hölscher // *Studien zur Religion und Kultur Kleinasien und des ägäischen Bereiches: Festschrift für Baki Ögün zum 75. Geburtstag. Asia Minor Studien*. – 2000. – Bd 39. – S. 99–105.
28. Schürr D. Karische Berg- und Ortsnamen mit lykischem Anschluß / D. Schürr // *Historische Sprachforschung*. – 2006. – Vol. 119. – S. 117–132.
29. Leburn R. Notes de lexicologie lycienne / R. Leburn // *Hethitica* X. – 1990. – P. 161–170.
30. Borchhardt J. Murāza aus der Dynastie der Harpagiden / J. Borchhardt // *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien*. – 2002. – Bd 71. – S. 21–38.

Воронежский государственный университет

Баранов Д. А., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: baranovdmity2@gmail.com

Тел.: 8-920-410-04-72

Voronezh State University

Baranov D. A., Post-graduate Student of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: baranovdmity2@gmail.com

Tel.: 8-920-410-04-72